

Вікторія Концур

Горлівський інститут іноземних мов

ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет»

Україна

ПРОБЛЕМА РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ РЕПАТРИАНТОВ ДОНБАССА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

75-ю годовщину победы над нацизмом во Второй мировой войне украинское общество встретило расколотым и дезориентированным. Одной из причин сложившейся ситуации являются манипуляции исторической памятью народа и отсутствием сформированной культуры памяти. Последняя предполагает принятие собственно исторической памяти со всеми ее как героическими, так и болезненными, неприятными страницами. Одним из таких трудных вопросов в постсоветских странах остается проблема возвращения и социализации в послевоенное советское общество остарбайтеров («восточных рабочих»), которые оказались за границей на принудительных работах во время Второй мировой войны.

Официальные власти Советского Союза десятилетиями делала вид, что проблемы репатриации и ресоциализации не существует. В 1990-х годах появляются работы В. Земскова, П. Поляна, которые одни из первых начали исследовать вопрос послевоенной репатриации советских граждан [5, 6, 12]. О существенном росте интереса украинских ученых к судьбе оstarбайтеров в разных регионах УССР свидетельствуют исследования последних лет. Так, монография Т. Пастушенко посвящена вербовке, принудительному труду и репатриации оstarбайтеров Киевщины [11], научное исследование А. Линева – процессу репатриации жителей Юго-Западного региона УССР [10], М. Бака и В. Лакно – Полтавской области [1, 9], А. Забродец – Волынской области [3], В. Холодницкого – Черновицкой области [16], И. Тымкив – Тернопольской области [15].

Проблемы репатриации в Сталинской (Донецкой) области нашли отражение в работах А. Саржана, Н. Шипик [14, 18]. В научно-документальное издание составители С. Сикваров и И. Карнацкий включили воспоминания бывших оstarбайтеров города Артемовска и Артемовского района, которые не только рассказывают об ужасах жизни в оккупации и особенности принудительного труда в нацистской Германии, но и о проблемах, с которыми репатрианты столкнулись после возвращения на родину [4, 7].

Цель нашего исследования состоит в анализе положения репатриантов Донетчины в первые послевоенные годы, условий их ресоциализации после возвращения домой.

Основным источником исследования являются архивные материалы и воспоминания очевидцев из г. Бахмута (Артемовска) и Бахмутского (Артемовского) района Донецкой области, которые позволяют беспристрастно взглянуть на проблему организации возвращения граждан УССР, которые в годы Второй мировой войны принудительно работали в нацистской Германии. Основной акцент в нашем

исследовании сделан на воспоминания репатриантов, поскольку они не только рассказывают о проблемах, с которыми им пришлось столкнуться, но и, что самое важное, выражают свое отношение к тем событиям, которые с ними произошли после возвращения на родину.

Проблему массового и организованного возвращения на родину своих граждан Советский Союз начал решать в 1944 г. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР было создано Управление Уполномоченного по делам репатриации, по подсчетам которого к концу войны за пределами СССР осталось около 5 млн. советских граждан: военнопленных, беженцев и гражданских лиц, вывезенных на принудительные работы, большинство из которых составляли так называемые «восточные рабочие» – оstarбайтеры [6, с. 3-9]. Как отмечалось в докладной записке заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК КП(б)У от 28 июня 1945 г. «О политических настроениях граждан СССР, которые были репатриированы из Германии на Украину и работа с ними», только с территории УССР насильно были вывезены в Германию 2 млн. 143,5 тыс. человек [17, д. 1479, л. 2]. Со Сталинской области было насильно вывезено 252 239 человек [17, д. 1480, л.71], в частности из г. Артемовска – 2261 человек [2, д. 1, л.83].

Согласно договорам, которые Советский Союз заключил в 1945 г. с Великобританией, Соединенными Штатами и Францией, репатриация была обязательной для всех бывших жителей территорий, которые до 1939 г. входили в состав СССР [19]. Для организованного возвращения граждан советской властью была создана целая система проверочно-фильтрационных пунктов (лагерей). На органы репатриации власть возлагала, кроме многочисленных организационных задач (прием, учет и распределение репатрируемого населения, организацию транспортировки, питания, медицинского обслуживания и т.д.), и политическую

фильтрацию лиц, которые длительное время находились за границей [8]. Обычно после возвращения домой репатриантам необходимо было снова пройти проверку в органах госбезопасности.

Подавляющее большинство воспоминаний бывших оstarбайтеров содержат информацию о двух этапах проверки, но есть и такие, которые свидетельствуют о несоблюдении этой процедуры. Жительница г. Артемовска Мария Ивановна Алексеенко отмечает, что ей действительно дважды пришлось проходить проверку органами НКВД – при отправке на репатриацию, а второй – только перед вступлением в партию. Во время проверок опрашивали не только ее, но и тех, кому пришлось работать рядом с ней в Германии. В конце концов она даже предоставила проверяющим справку от гинеколога, чтобы доказать, что вернулась нетронутой [4, с. 88-89]. Неоднократные проверки НКВД проходила и мама Светланы Романовны Дегтяревой, которая за то, что была в Германии, «отрабатывала» на спецпредприятии и давала подписку о «неразглашении» информации о пребывании в Германии. Сама же Светлана Романовна в дальнейшем в биографических данных вместо факта нахождения в Германии указывала оккупированную территорию в Западной Украине [7, с. 23].

Бывали случаи, когда репатрианты не проходили процедуру проверки, поскольку некоторые оstarбайтеры в своих воспоминаниях или вообще не упоминают о проверочно-фильтрационных пунктах, или, как Екатерина Ивановна Леонтьева, отмечают, что в НКВД их не вызывали и других проверок они не проходили [4, с. 183]. Анна Карповна Киряк, вспоминая свое пребывание в лагере для перемещенных лиц в г. Бресте, вообще говорит об этом времени исключительно как о карантине, во время которого репатриантов осматривали и оказывали помощь врачи [7, с. 46].

Характеризуя общую эмоциональную окраску воспоминаний репатриантов из Артемовского района об этом подготовительном этапе возвращения домой, можно выделить три основных момента, которые чаще всего встречаются в их рассказах:

- нейтральное упоминание о факте проверки или пребывания в проверочно-фильтрационном пункте;
- воспоминания о длительном пребывании в тяжелых условиях на территории проверочно-фильтрационного пункта;
- благодарность сотрудникам за помощь и спасение жизни;
- горечь и обида, особенно в адрес сотрудников НКВД, которые демонстрировали презрительное отношение к остарбайтерам.

Нелегким было положение репатриантов и когда они прибывали на место постоянного проживания, где у них возникали проблемы с расселением, трудоустройством и налаживанием отношений с соотечественниками. Официальная позиция государства по этой проблеме отражена в постановлении ЦК ВКП(б) от 4 августа 1945 г. «Об организации политико-просветительской работы с репатрированными советскими гражданами»: «Отдельные партийные и советские работники встали на путь всеобщего недоверия к репатрированным советским гражданам. Необходимо помнить, что советские граждане, которые вернулись, снова получили все права советских граждан и должны принимать активное участие в трудовой и общественно-политической жизни.» [13, с. 86]. Но на самом деле новоприбывших граждан сама же власть пыталась отстранить от руководящих должностей и держать подальше от важных экономических центров страны, что подтверждают многочисленные архивные материалы [17, д. 1478, л. 23-24].

Двоякую позицию советской власти можно объяснить тем, что:

- с одной стороны, массовое возвращение советских репатриантов было жизненно важным для восстановления разрушенного войной хозяйства Советского Союза. Кроме того, факт их возвращения был призван продемонстрировать всему миру преимущества социализма над капитализмом;

- с другой стороны, власть опасалась миллионов репатриантов и не доверяла им, поскольку они могли представлять угрозу существующему строю. Длительное пребывание остарбайтеров за пределами страны и ее партийно-идеологического контроля могло привести к возвращению большого количества антисоветски настроенных людей.

Справедливости ради необходимо отметить, что жесткие меры проверки и контроля со стороны советской власти относительно репатриантов были обусловлены тем фактом, что перед приходом частей Красной Армии гитлеровцы развернули особенно мощную агитационную работу среди остарбайтеров. Значительное количество репатриированных граждан во время бесед признавались в том, что под угрозой расстрела дали подписку гестапо о том, что, прибыв на территорию Советского Союза, будут работать в пользу Германии [17, д. 1478, л. 13].

Как свидетельствуют материалы архивов, остарбайтерам угрожали тем, что придут русские и всех расстреляют, утверждали, что советская власть объявила врагами народа и предателями родины всех, кто побывал в Германии. Также им предлагали вступать в ряды СС и так называемой русской освободительной армии [17, д. 1478, л.16; д. 1480, л. 12-13]. Е.З. Кононова также говорила о запугивании со стороны хозяйки дома, на которую она работала в Германии. Хозяйка утверждала, что девушку по возвращении на родину

сошлют в Сибирь [7, с. 54], к счастью, она благополучно вернулась домой. Но среди артемовских репатриантов была семья, которую действительно отправили в лагерь после возвращения из Германии. Ида Степановна Хайло была угнана на принудительные работы в Германию подростком вместе с семьей. Когда стало известно об окончании войны, немцы отговаривали их от возвращения домой: «... пугали, что Советы нас на куски порвут. Но мы не верили. Ждали своих». В связи с тем, что мама Иды Степановны была этнической немкой, после проверки их сосли в Сибирь. Ида Степановна отмечала, что сначала отношение местных к новоприбывшим было враждебным, говорили: «Фрицев привезли!». Но довольно быстро отношение к репатриантам изменилось к лучшему, местные жители помогли им обустроиться и прижиться на новом месте. После смерти И.В. Сталина семья Иды Степановны получила возможность покинуть место ссылки, но в родную Житомирскую область возвращаться им было запрещено, поэтому семья осталась жить в Томске до 1957 г., после чего переехала в Артемовск [7, с. 109].

С прибытием домой для репатриантов начинался новый этап ресоциализации. Они обязательно должны были регистрироваться в соответствующих органах по месту жительства и проходить повторную проверку. Так, Галина Кирилловна Буряк и Наталья Николаевна Горбачева вспоминают, что по прибытии в Артемовск они были обязаны в течение четырех дней посетить прокуратуру, после чего в течение трех дней Наталья Николаевна получила паспорт, хотя другие девушки, по ее словам, месяцами не могли получить документы [7, с. 13, 18]. О длительных проверках в НКВД и перекрестных допросах, которые предшествовали получению паспорта, вспоминают Неонила Дмитриевна Козаченко и Владимир Иванович Дяченко [7, с. 52, 37]. Н. М. Горбачева прокомментировала ситуацию так: «Мы были как

несоветские» [7, с. 18]. Таким образом, сами репатрианты чувствовали себя как люди, которые находятся за пределами советского общества. Ощущение такой «второсортности» усугубляла невозможность получить вовремя документы и устроиться на достойную работу. Например, Зинаида Михайловна Круговая, вернувшись в Артемовск в 1945 г., до 1949 г. не имела паспорта, а только справку, в связи с чем на работу никуда не могла устроиться – только на разбор завалов [7, с. 67].

Придирчивость и количество проверок репатриантов, темпы их ресоциализации в значительной степени зависели от того, где и в каких условиях находились остарбайтеры на территории Германии. Обычно особенно тщательно проверяли тех, кто работал в сельской местности на хозяина. Эти остарбайтеры нередко возвращались домой в достаточно хорошем физическом состоянии и добротной одежде. Например, Евдокия Захаровна Кононова перед увольнением работала в доме и на огороде немецкой семьи. Вспоминала, что ее не обижали и даже предлагали остаться и дальше работать после прихода американских войск, но она стремилась вернуться домой – в село в Полтавской области. Дома ей долгое время не выдавали документы, хотя проверку она прошла. Через знакомых Евдокии Захаровне удалось получить справку и переехать в Артемовск, где только после года частых проверок НКВД она получила паспорт [7 с. 55].

О другом опыте социализации дома вспоминает Клавдия Константиновна Ковалева. После возвращения в 1945 г. в Артемовск из концлагеря Освенцим, она была сразу направлена на обучение на трехлетние курсы медсестер, рассчитанные на тех, у кого не было документов. Во время хирургической практики врач предложил ей удалить с руки лагерный номер и она согласилась. Клавдия Константиновна также отметила, что сразу после освобождения из концлагеря к заключенным пытались присоединиться и те, кто работал

на немецких хозяев, поскольку тоже хотели отъестыся, но с лагерными их спутать было невозможно: «...нас сразу видно было по худобе и слабости. Многие даже ходить не могли» [7, с. 49]. К. Курилова, которая прошла через лагеря Терезин, Освенцим, Буды, Биркенау и Бельзен в своих воспоминаниях о возвращении домой в августе 1945 г. сразу переходит к информации о восстановлении на обучение в институте и дальнейшей работе инженером-геологом [7, с. 83], никаких упоминаний о проверках в ее рассказе нет.

Достаточно распространенными были случаи, когда преследованиям репатрианты подвергались не со стороны спецслужб, а со стороны рядовых соотечественников. Анна Кондратьевна Литвинчук была шокирована встречей репатриированных женщин, когда их вывезли из Германии на освобожденные от нацистов территории: их оскорбляли и спрашивали, сколько детей они везут с собой – «подарков от немцев» [7, с. 86]. Похожие воспоминания остались и у Евгении Петровны Макогон: «В этом лагере [советском] с нами очень плохо обращались, оскорбляли и военные, и гражданский персонал ... Дома нас тоже встретили неприветливо, очень долго проверяли» [7, с. 92]. Клавдия Федоровна Щербина вспоминает этот этап так: «После возвращения из Германии никаких преследований со стороны НКВД не было. Только, когда хотела вступить в колхоз, то председатель колхоза не принял – выгнал» [19]. Елене Тимофеевне Булатовой также приходилось слышать обвинения в измене: «Вы изменники, надо было не работать на врагов, покончить жизнь самоубийством». Хотя впоследствии, как она отмечает, отношение соотечественников становилось мягче [7, с. 11].

Наряду с такими случаями враждебного отношения к бывшим остарбайтерам достаточно много приятных воспоминаний. Так, Екатерина Ивановна Леонтьева отмечала, что люди сочувствовали ей как репатриантке [4, с. 183], а Полину Афанасьевну Крохмаль вообще тепло

встречали всем селом [7, с. 64]. К. Литвинчук по дороге в родной Артемовск встретила советского офицера, который был чрезвычайно рад землячке и помог передать весточку родным. Уже дома очень боялась идти регистрироваться в горсовет, потому что слышала о грубом отношении к тем, кто был в Германии, но Анне Кондратьевна повезло: «... со мной обошлись очень хорошо, вежливо» [7, с. 86-87].

О неоднозначном отношении соотечественников к репатриантам свидетельствуют и воспоминания Марии Павловны Мочаловой: «Односельчане относились к нам хорошо, все помнили, что не по своей воле уехали мы в Германию, но с посторонними людьми о том, что была в Германии, никогда не говорила. Многие, особенно в первые годы после войны, презирали таких людей как мы, называли “трофеями”» [7, с. 95]. В памяти Софьи Петровны Петуховой тоже запечатлелись оскорбления о «немецких овчарках», которые звучали в адрес репатриированных женщин [7, с. 99].

Особенно тяжелым был процесс социализации для детей-репатриантов. Ярким примером такого тернистого пути к нормальной жизни является история Станислава Борисовича Ляха, который в 1943 г. в двухлетнем возрасте вместе с родителями был выгнан в Германию. Летом 1945 г. семье удалось вернуться в родной г. Соледар. Чтобы передать психологическое состояние, в котором находился мальчик, приведем достаточно обширную цитату из рассказа Станислава Борисовича о первых годах пребывания дома: «К мирной жизни привыкал я долго и сложно. Русского языка не знал, мать была мне переводчиком. Боялся самолетов, заикался. Родные к тому времени уже наладили хозяйство, еды было достаточно. Но я долгое время плакал и просил корм не давать свиньям, а лучше раздать его голодным девочкам и мальчикам. В школе отказывался учить немецкий

язык, получал двойки, хотя говорить на нем мог свободно, так он мне был противен» [7, с. 90].

Как видно из приведенных документов и воспоминаний, опыт возвращения домой у репатриантов был разный. У кого-то он запечатлелся в памяти как счастливое избавление от страданий и помощь от родного государства, а для других – как ряд жестких, унижительных проверок и издевательств. Опыт ресоциализации не мог не влиять на моральное состояние и настроения людей, которые возвращались на родину с чужбины.

Значительная часть бывших оstarбайтеров, прибыв на родину, сталкивалась с ужасными бытовыми условиями, жестким контролем, недоверием, бесправием. Но, несмотря на все это, подавляющее большинство советских людей стремилась вернуться домой, в этом убедились и мы, познакомившись с воспоминаниями бывших оstarбайтеров – жителей Донбасса. Поэтому не можем не согласиться с мнением Виктора Земскова, что по своей сути это был естественный и волнующий процесс обретения Родины миллионами людей, которые были насильно ее лишены иностранными захватчиками [5, с. 68].

Список использованной литературы

1. Бака М. Полтавські «остарбайтери» у фашистській Німеччині // Історія України. Маловідомі імена, події, факти : зб. ст. – Вип. 15. – Київ, 2001. – С. 185–190.
2. Государственный архив Донецкой области. – Ф. Р-1838, оп. 1.
3. Забронець О. В. Волинські оstarбайтери (1941–1945 рр.) // Волинь у Другій світовій війні : зб. наук. та публіцист. ст. / гол. ред. й упоряд. М. М. Кучерепа. – Луцьк : Волин. обл. друк., 2005. – С. 107–129.
4. Заповідаємо вам пам'ять : місто Артемівськ і Артемівський район в роки нацистської окупації (1941 – 1943) : науково-документальне видання / укладачі С. М. Сикварова, І. А. Корнацький. – Донецьк : Світ книги, 2013. – 448 с.

5. Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 годы // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 68–112.

6. Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1945–1956 гг.) // Социологические исследования. – 1995. – № 3. – С. 3–9.

7. И каждый из них – память. Воспоминания бывших остарбайтеров / Составители С. М. Сикварова, Е. А. Радченко, Н. А. Жукова. – Артемовск, 2011. – 124 с.

8. Концур В. В. Репатріація радянських громадян: ідеологічний вимір (на матеріалах Української РСР) // Історичні записки: Зб. наук. пр. – Луганськ: Східноукраїнський нац. ун-т ім. В. Даля, 2013. – Вип. 39. – С. 90–99.

9. Лахно В. Становище полтавських репатріантів у перші повоєнні роки // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. – 2012. – Т. 25. – С. 565–577.

10. Лінков А. А. Репатріація з окупаційних зон союзників антигітлерівської коаліції мешканців Південно-Західного регіону УРСР в 1945–1953 роках // Наукові праці : Науково-методичний журнал. – Т. 52. – Вип. 39. Історичні науки. – Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Могилы, 2006. – С. 38–41.

11. Пастушенко Т. В. Остарбайтери з Київщини: вербування, примусова праця, репатріація (1942–1953). – К., 2009. – 282 с.

12. Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. – М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. – 442 с.

13. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). – М., 1947. – 487 с.

14. Саржан В. Ф. Репатріація: повернення жителів Донбасу з німецької неволі (друга половина 40-х – початок 50-х) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. – К., 2001. – Вип. 1. – С. 121–126.

15. Тимків І. В. Вплив репатріації на структуру населення Тернопільської області у 1950–60-х роках // Вісник Маріупольського державного університету серія: Історія. Політологія, 2017, – Вип. 20. – С. 135–140.

16. Холодницький В. Репатріація: з історії повернення жителів Чернівецької області, вивезених за її межі в роки Другої світової війни // II Міжнародний науковий конгрес українських істориків «Українська історична наука на сучасному етапі розвитку». Кам'янець-Подільський, 17–18 вересня 2003 р. Доповіді та повідомлення / Українське Історичне Товариство, Інститут історії України НАН України, Кам'янець-Подільський державний університет. Редактори : Л. Винар, О. Завальнюк. – Кам'янець-Подільський; Київ; Нью-Йорк; Острог, 2007. – Т. 4. – С. 414–425.

17. Центральный государственный архив общественных объединений Украины. – Ф. 1, оп. 23.

18. Шипік Н. Ф. Діяльність відділу у справах репатріації Сталінського облвиконкому депутатів трудящих у 1945–1953 рр. // Гілея (науковий вісник): збірник наукових праць / Гол. ред. В. М. Вашкевич. – К., 2009. – Спецвипуск. – С. 121–129.

19. Anglo-American perspectives on the Ukrainian Question. 1938–1951. A documentary collection. Lubomir U. Luciuk, Bohdan S. Konrdan. – The Limestones Press. – Kingston, Ontario – Vestal – New-York, 1987. – 163 p.

Резюме

В статье на основе широкого спектра опубликованных и архивных документов изучаются основные проблемы ресоциализации репатриированных советских граждан в первые послевоенные годы. Автор приходит к выводу, что советское правительство было заинтересовано в возвращении своих граждан, увезенных на принудительные работы в Германию, но длительное пребывание бывших остарбайтеров под влиянием «несоветской» идеологии и возможные изменения в их мировоззрении рассматривались как потенциальная угроза для государственной системы СССР. В целях самосохранения власти подчеркивали равноправие репатриантов с другими советскими гражданами в нормативных документах, но на практике они же инициировали строгий контроль и недоверие к вернувшимся гражданам.

Ключевые слова: советская власть, репатрианты, послевоенный период, ресоциализация.

Summary

The main problems of socialization of repatriated Soviet citizens in the first post-war years are studied on the base of a wide range of published and archival documents. The author comes to the conclusion that the Soviet government was interested in the return of its citizens who had been taken for the forced labor to Germany, but a long stay of the former Ostarbeiters under the influence of a “non-Soviet” everyday life and changes in their outlook caused a threat to the system. For the purpose of self-preservation, the authorities emphasized the equal rights of the repatriates with the other Soviet citizens through normative documents, but in practice they initiated a strict control and mistrust towards the repatriates.

Keywords: Soviet power, repatriated citizens, post-war period, socialization.